

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (начало XX в.)

Светлана Андреевна ТЕСЛЕНКО,
адъюнкт кафедры истории Отечества
Хабаровского пограничного инсти-
тута ФСБ России

Миграционная обстановка на Дальнем Востоке России в начале XX в. — малоизученная тема отечественной истории. Особый интерес к ней на сегодняшний день связан не только с научными задачами, но и с событиями, которые происходят на современном этапе. Постоянные преобразования в российской политике, стремление к развитию международных связей выдвинули на первый план проблему выработки эффективного механизма межгосударственного взаимодействия, в том числе и в сфере миграционных отношений. Для дальневосточного региона развитие пограничной политики актуально, так как российским партнёром здесь выступает развивающийся быстрыми темпами Китай, с которым Россия имеет не только общую границу, но исторические традиции двусторонних, в том числе и внешнеполитических отношений.

Некоторые направления деятельности органов власти по вопросам миграции китайских подданных на российский Дальний Восток имели актуальность еще в начале XX в., а в наши дни приобрели особую остроту и вызывают повышенный научный интерес у многих исследователей в России и за рубежом. Основные вопросы регулирования потока мигрантов из Китая в дальневосточный регион интересны тем, что между прошлым и настоящим прослеживается целый ряд характерных факторов, изучение которых позволяет разобраться в сегодняшней миграционной обстановке.

Специальных исследований по истории пограничной политики на Дальнем Востоке России в начале XX в. до недавнего времени не было. Первые сведения органов власти о миграционной деятельности встречаются в официальных всеподданнейших отчетах приамурских генерал-губернаторов¹, уполномоченного Министерства иностранных дел В.В. Граве, а также в работах В.А. Панова, П.Ф. Унтербергера, В.К. Арсеньева и др.² Каждый из них имел свои взгляды по регулированию пропуска китайских мигрантов в дальневосточный регион.

Только в начале 1990-х годов появились первые труды, посвященные истории пограничной политики³, интерес к изучаемой проблеме наблюдается и в последние годы. В частности, на международных научных конференциях эта тема поднималась в докладах А.Г. Ларина, В.Г. Гельбраса, Е.Л. Мотрич, В.В. Синиченко, Е.И. Нестеровой, Т.З. Позняк и др.⁴ Однако на сегодняшний день отдельные вопросы регулирования пограничной политики на российском Дальнем Востоке в начале XX в. исследованы в недостаточной степени.

В статье проводится анализ пограничной политики, осуществляемой российскими органами власти, с целью регулирования перемещения китайских подданных в дальневосточный регион. Материал публикации основан на архивных сведениях, справочно-статистических, научных и периодических отраслевых изданиях.

После окончания русско-японской войны переход китайских подданных через маньчжурскую границу в Дальневосточный край стал настолько доступен, что большинство из них отправлялось, не приобретая национального паспорта и визы в министерстве иностранных дел в Маньчжурии. Вопрос о необходимости установления на границе строгого контроля над мигрантами из Китая, направлявшимися на российскую территорию, беспокоил как российские, так и китайские власти⁵.

На совместном совещании между министерствами иностранных дел и внутренних дел России в 1907 г. был частично разрешен вопрос об ограничении пропуска через российско-китайскую границу китайских подданных, не предъявивших документов установленного образца. Китайские рабочие, отправлявшиеся в Россию, должны были приобрести национальные паспорта, которые выдавались после проведения российским генеральным консульством предварительной проверки о степени состоятельности подрядчика. Только в случае положительного подтверждения ставилась печать в китайском документе о разрешении въезда в Россию⁶.

В провинции Цицикар визированием паспортов китайцев, отправлявшихся в Россию, первоначально занимался чиновник МИДа в г. Хайларе. С 1916 г. эти функции были возложены на российское вице-консульство, расположенное в том же городе.

Пропуск китайцев в Приамурский край по восточной линии Китайской восточной железной дороги имел свои особенности. Настойчивые просьбы со стороны китайских органов власти способствовали организации переговоров генерального консула с инспектором Приамурского таможенного округа. Китайская сторона ходатайствовала о том, чтобы российская таможня осуществляла визирование паспортов на ст. Пограничной у китайцев, отправлявшихся в пределы России по железной дороге, и на таможенной заставе в г. Лахасусу — у китайцев, направлявшихся по р. Сунгари⁷.

Китайская администрация неоднократно повторяла свои просьбы, указывая на неудобства и слишком большие расходы, которые были связаны с приобретением визы для паспорта в г. Харбине. Так, например, поездка в г. Харбин и обратно до ст. Пограничной обходилась для одного китайца примерно в 16 руб.; получение паспорта — 7 руб. 50 коп., визы — 2 руб. 25 коп.; приобретение русского билета для нахождения в России — 5 руб. 20 коп.; связанное с поездкой проживание в г. Харбине около одной недели при минимальных расходах по 40 коп. в день — 2 руб. 80 коп., всего 33 руб. 75 коп.⁸

Такие расходы должны были способствовать сокращению китайских мигрантов, отправлявшихся в Приамурский край. Однако на практике происходило совершенно обратное. С наступлением весны «волна китайцев подкатывала к российско-китайской границе». Поэтому все просьбы китайских властей ничем не подкреплялись, так как от установленного порядка пропуска китайских подданных, желавших приехать на российский Дальний Восток, не убавлялось.

Большинство китайских мигрантов добиралось из г. Харбина в Приамурский край на пароходах по рекам Сунгари и Амуру. Китайцы, которые нанима-

лись рабочими на зейские прииски в Амурскую область, путь держали через г. Благовещенск до Зеи-Пристани. За счет их прибытия численность населения в г. Зеи-Пристани постоянно увеличивалась. Китайские старатели, следовавшие на Хингано-Сутарские прииски, добирались через ст. Пашково по р. Хинган и её притокам — Большие Сололи и Малые Сололи, на Рубиновский прииск — через ст. Радде и на Казанский прииск — по р. Дичун, на прииск, расположенный в районе р. Ниман, — по р. Бурее или через Буреинский хребет⁹.

Материально обеспеченные китайцы пересекали российско-китайскую границу легально. Они приобретали национальные паспорта с консульской визой и русские билеты, которые выдавались при переезде границы. Значительная часть неимущих китайцев при отсутствии строгого пограничного надзора переходила границу без паспортов. По сведениям российского таможенного поста «Сосновая падь», «...китайцев бежало столько, что задерживать удавалось только 1/10 часть беспаспортных»¹⁰.

Количество рабочих из Китая, приезжавших на Дальний Восток России весной и уезжавших осенью, с каждым годом увеличивалось. Китайцы, которые добирались до российской границы сухопутным путем, приобретали национальные паспорта в г. Харбине. Они следовали по железной дороге через ст. Пограничную, где российские власти проверяли необходимые документы. Морским путем из г. Шанхая прибывали преимущественно китайские мастеровые, цирюльники, портные, приобретавшие национальные паспорта в г. Нагасаки у китайского консула и визировавшие их в том же месте у российского консула¹¹.

По прибытии в порт Владивосток они останавливались в гостиницах, где администраторам предъявляли документы для регистрации. У некоторых китайских рабочих были поддельные национальные паспорта, выданные китайскими властями с визой российского консула в г. Чифу. Их продавали владельцы гостиниц в г. Чифу, которые заблаговременно приобретали документы у китайских властей на вымышленные имена¹².

Держатели пароходов покупали необходимые для поездки за границу документы для своих пассажиров, которые им обходились в 4,5 дол. При этом паспорт пассажирам на руки не выдавался, а оставался у капитана судна до прихода в порт назначения. По прибытии в г. Владивосток документы отдавали специальному подрядчику пароходной компании¹³.

Если пассажир хотел получить паспорт на руки, он должен был заплатить подрядчику 30 центов и предоставить за себя поручительство какого-нибудь постоянного двора. Только после этого ему могли вернуть паспорт, в котором была вписана вымышленная фамилия. У таких китайских мигрантов не было документов с собственной фамилией. При обнаружении российскими властями владельца подобного паспорта виновный привлекался к ответственности по российскому законодательству¹⁴.

В г. Хунчуне находился подрядчик, занимавшийся незаконной продажей национальных паспортов. В г. Владивостоке был зарегистрирован случай задержания китайца, который имел при себе 50 поддельных паспортов для продажи. Так проявлялись недоработки методов проверки и выдачи национальных паспортов китайским гражданам со стороны российских органов власти¹⁵.

Согласно ст. 4 обязательного постановления приамурского генерал-губернатора от 12 апреля 1912 г. иностранцы без российских билетов или визированных российскими консулами национальных паспортов не допускались

к выходу на российский берег. В некоторых населенных пунктах им разрешалось покидать пароход лишь после специальной проверки¹⁶.

С августа 1912 г. вступили в силу изданные приамурским генерал-губернатором правила «О переходе имперской границы в Амурской области». Они закрепили существовавший с 1902 г. порядок, согласно которому китайские национальные паспорта визировались российскими консулами в Китае. Китайские подданные могли возвращаться на родину лишь при наличии на документах отметки полиции об отсутствии препятствий к выезду. В правилах имелся раздел о переходе границы приграничными жителями сопредельных стран. Для китайцев предусматривались трехдневные пропуска с правом однократного перехода границы, за приобретение которых с них взимался только гербовый сбор в размере 75 коп.¹⁷

Военный губернатор Амурской области А.М. Валуев в мае 1913 г. отмечал, что среди китайцев был сильно развит «обмен и перепродажа своих документов о личности» и предлагал сосредоточить «...всё дело по выдаче документов китайцам в г. Благовещенске в Управлении пограничного комиссара». Он считал необходимым ввести для китайских подданных «...фотографирование, как единственно надежную меру, гарантирующую правильную регистрацию и невозможность свободного обмена и перепродажи документов»¹⁸.

На заседании Общего съезда Амурских и Бурейских золотопромышленников в марте 1913 г. пограничный комиссар заявил, что проверка русских билетов с национальными китайскими паспортами «крайне обременительна для Канцелярии комиссара», имевшего небольшой штат чиновников, поэтому он предлагал регистрацию «проходных видов» передать в то учреждение, которое занималось выдачей китайцам русских билетов¹⁹.

Процедура проверки национальных паспортов включала определенный порядок. После пересечения российской границы китаец должен получить русский билет за 5 руб. 15 коп. В полицейском участке он предъявлял национальный паспорт и вносил больничный сбор в размере 2 руб. При этом национальный паспорт у него изымался, а взамен выдавалась квитанция о взносе больничного сбора и оплате за русский билет²⁰.

Национальный паспорт с русским билетом регистрировался в адресном столе. На следующий день китайский подданный мог забрать свои документы. При их получении владельцу документов также выдавалась личная наемная книжка стоимостью 1 руб. 25 коп., а за фотографирование он платил 1 руб. 50 коп.²¹

На совещании по вопросу об условиях выдачи китайским подданным русских билетов 27 марта 1913 г. военный губернатор Амурской области генерал-майор А.М. Валуев утвердил новый порядок прохождения процедуры выдачи китайским мигрантам русских билетов, их регистрации и фотографирования. При этом все действия по оформлению документов последовательно осуществлялись в одном учреждении. Фотографию приклеивали сразу при предъявлении китайцем национального паспорта. Эта процедура лишала его возможности передать свои документы другому²².

С начала мая 1913 г. в области стал действовать новый порядок выборки документов для китайцев. Теперь они стали получать русские билеты в день приезда, а не через месяц, как было раньше. Введенные изменения вызвали недовольство с китайской стороны. Попытки ужесточить Правила коснулись и самых отдаленных участков дальневосточного края — приисков, где провер-

ка регистрации китайских старателей и наемных рабочих вызвала их массовое бегство в тайгу²³.

Китайским подданным, остановившимся в Благовещенске и Зее-Пристанни, теперь следовало заплатить больничный сбор в размере 2 руб. и оформить наемную книжку с фотографиями в профиль и анфас, а следующим на прииски и полевые работы — регистровый бланк, при этом наниматели партий китайских рабочих получали проходные свидетельства только на время пути²⁴.

Одновременно ужесточился и визовый режим: в 1913 г. из области было выслано 3802, а в 1914 г. — 4130 безбилетных китайцев²⁵. Однако принятые меры не дали желаемого результата. Численность китайской диаспоры продолжала увеличиваться. К началу 1918 г. в губерниях европейской части России проживало уже 70 тыс. китайских подданных, а на Дальнем Востоке — до 400 тыс. чел.²⁶

В 1916 г. российскими властями было установлено, что китайцы, которые нелегально проникали на российскую территорию, приобретали паспорта у своих соотечественников. Стоимость такого документа им обходилась в 12 руб. Этим занимались тайные фирмы, которые находились как на русской территории, так и в пограничном районе Маньчжурии. Они скупали использованные паспорта по более низкой цене и на их основе изготавливали поддельные документы²⁷.

Так, в декабре 1916 г. на ст. Пограничной была обнаружена тайная организация по изготовлению китайских паспортов для нелегального перехода через российско-китайскую государственную границу. Создание подпольной фирмы было связано с существовавшим усложненным порядком оформления паспортов для китайцев, ежегодно направлявшихся в Приамурье из восточных районов Гиринской провинции²⁸.

При содействии четвертого отделения полицейского надзора на ст. Пограничной удалось задержать в китайском поселке членов фирмы, которые занимались изготовлением поддельных паспортов. При обыске у китайца И-шунь-чан и Ли-фу-мин было найдено 90 китайских паспортов, два нумератора, 16 разных штампов и две печати²⁹.

Регулирование миграционной обстановки на Дальнем Востоке России в начале XX в. представляет сегодня несомненный интерес в связи с развитием международных отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Исторический опыт показывает, что интересы страны могут быть наилучшим образом защищены только на основе взаимовыгодного партнёрства, которое достигается через взаимодействие. Именно это позволяет в полной мере достичь главной цели миграционной политики — обеспечить защиту национальных интересов.

¹ Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Н.И. Гродекова. 1901—1902 гг. Хабаровск, 1902; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера за 1906—1907 гг. Хабаровск, 1908; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера за 1908—1910 гг. Хабаровск, 1910.

² Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912; Панов В.А. «Желтый» вопрос в Приамурье. СПб., 1910; Унтербергер П.Ф. Приамурский край 1906—1910 гг. СПб., 1912; Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914 и др.

³ Дацышен В.Г. Китайская эмиграция в Приморье и отношение к ней российских властей в конце XIX в. // Миграционные процессы в Восточной Азии. Владивосток, 1994. С. 78—82; Сухачева Г.А. Причины увеличения миграции китайцев на русский Дальний Восток в конце XIX — начале

- XX в. // Миграционные процессы в Восточной Азии. Владивосток, 1994. С. 105—107; Волохова А.А. Попытки принятия закона о регулировании китайской и корейской иммиграции на российский Дальний Восток в начале XX в. // XXVI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1995. С. 81—84; Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х годов: проблемы взаимодействия. Владивосток, 1998; Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX в.). Омск, 1999.
- ⁴ Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня. М., 2003; Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001; Он же. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004; Мотрич Е.Л. Демографический потенциал и присутствие китайцев на российском Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. М., 2001. № 6. С. 55—63; Синиченко В.В. Влияние таможенного обложения и паспортно-визовых правил на стоимость «желтого труда» в дореволюционной России // Изв. Иркут. гос. эконом. акад. 2003. № 3—4. С. 102—104; Нестерова Е.И. Взаимодействие русской администрации и китайских мигрантов на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004; Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток, 2004.
- ⁵ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол (148), 1903—1917, оп. 487, д. 1060, л. 162. Копия докладной записки Второго Вице-Консула Российского Генерального Консула в Харбине, Надворного Советника Попова III-го от 19.11.1916.
- ⁶ Там же. Л. 163.
- ⁷ Там же. Л. 164.
- ⁸ Там же. Л. 165.
- ⁹ РГИА ДВ. Ф. Канцелярия военного губернатора Амурской области (704), оп. 1, д. 809, л. 1; Тове Л.Л., Иванов Д.В. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района. Т. 2, ч. 1. СПб., 1905. С. 363; Домбровский Я. Золотой промысел в Хинганской системе // Приамур. ведомости. 1897. 25 мая. С. 16—17; 1899. 3 янв. С. 15.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол (148), 1903—1917, оп. 487, д. 1060, л. 166. Копия докладной записки Второго Вице-Консула Российского Генерального Консула в Харбине, Надворного Советника Попова III-го от 19.11.1916.
- ¹¹ Там же. 1906—1915 гг., оп. 487, д. 770, л. 45 об., 46 об. Коллективная записка китайских коммерсантов, живущих в г. Владивостоке, в Министерство иностранных дел (1908 г.).
- ¹² Там же. 45 об.
- ¹³ Там же. Л. 46.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Л. 46 об.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. Вице-консул в Айгуне (344), оп. 822, д. 3, л. 78.
- ¹⁷ РГИА ДВ. Ф. Канцелярия приамурского генерал-губернатора (702), оп. 1, д. 181, л. 3—4.
- ¹⁸ Там же. Ф. Канцелярия военного губернатора Амурской области (704), оп. 1, д. 1050, л. 1, 2.
- ¹⁹ Там же. Л. 3.
- ²⁰ Там же. Л. 4 об.
- ²¹ Там же. Л. 4 об.
- ²² Там же. Л. 4 об., 5.
- ²³ Денисов В.И. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1913. С. 22.
- ²⁴ РГИА ДВ. Ф. Канцелярия приамурского генерал-губернатора (702), оп. 1, д. 181, л. 4.
- ²⁵ Там же. Ф. Канцелярия военного губернатора Амурской области (704), оп. 1, д. 1050, л. 93.
- ²⁶ Усов В.Н. Интернациональная помощь СССР в деле подготовки китайских партийных и революционных кадров в 20—30-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 5. С. 79.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол (148), 1903—1917, оп. 487, д. 1060, л. 167. Копия докладной записки Второго Вице-Консула Российского Генерального Консула в Харбине, Надворного Советника Попова III-го от 19.11.1916.
- ²⁸ Там же. Л. 161.
- ²⁹ Там же. Л. 168.

SUMMARY: “Boundary politics of Russia in the Far East at the early 20th c.: Regulation of migration from China” is the headline of the article written by S. Teslenko, a post-graduate student of the Khabarovsk Frontier-guard Institute. The author analyses frontier politics, carried out by the Russian authorities in the beginning of the 20th century, with the purpose of regulation moving the Chinese migrants citizens in the Far Eastern region.